

Вечерело. Полуденная жара пошла на убыль, и в парк начали стекаться люди. Со стороны фонтана слышались крики ребятни. Вон голопузый крепыш, кряхтя, пытается взобраться на скульптуру косолапого Мишки, но неожиданно соскальзывает и, опрокинувшись, поднимает поток искрящихся брызг. Ребятня с визгом подставляет спины под изумрудные капли, а когда те захлестнули их, закатывается смехом.

Хотелось уединиться в тени развесистого клёна и, расслабившись, ни о чём не думать, просто смотреть, как воробьи, в поисках оброненной крошки, прыгают на ножках-иголках. Останавливаются перед тобой и, склонив голову, чёрными бусинками заглядывают в лицо. Наблюдать, как неуклюже, переваливаясь сбоку набок, вышагивают глуповатые голуби. Не те, сизокрылые, что добывают пропитание в полях, а испорченные городской цивилизацией ленивые птицы. Они и летают, тяжело махая крыльями, не приземляются, а падают, как оброненная из авоськи булка.

Все скамейки оказались заняты. Только у выхода из парка одиноко сидел старик. Казалось, он ни на кого не обращает внимания. Опершись локтями о колени, о чём-то думал. На лице отразилась усталость. Редкие волосы теребил ветер, и если бы не тонкая нить, перехватившая по окружности лоб,

он смахнул бы их на глаза. А так лишь изредка ласкал их да седую бороду. Из-под серого мятого пиджака выглядывала зелёная в клетку фланелевая рубаша, когда-то очень модная. С первого взгляда казалось, что это «бич»: у правой ноги, как верный пес, приютился целлофановый пакет с пустыми бутылками. Поэтому, видимо, рядом со стариком никто не сидел.

– Можно? – спросил я.

– А? – вдруг ожил он. – Садитесь, – пододвинулся к самому краю, хотя места было много.

– Спасибо, – поблагодарил я и сел, стараясь не замечать пакет.

– Вот, – перехватив всё-таки мой мимолётный взгляд, тяжело вздохнул он, – до чего жизнь довела. Инженер-авиа-конструктор, а теперь бутылки собираю.

– Кто же знал, что так будет, – попытался я сгладить неловкость.

– Не подумайте, что это на выпивку, – кивнул он на пакет.

– Книгу интересную заметил, а денег не хватает.

– В библиотеке разве нет?

– Что вы! Откуда там! Какое же издательство теперь предоставляет бесплатно. Вы читали, например, Лазарева? – неожиданно спросил он.

– Лазарева? – пытался я вспомнить. – Не тот ли, что написал «Диагностику кармы»?

– Именно, – доверчиво развернулся в мою сторону старик.

– В руках держал, а читать – не читал.

– Жаль, – заметно было, что он немного огорчился, но вида не подавал. – Обязательно советую прочесть. К тому же она у него не одна.

– Мне доводилось читать других авторов.

– Но Лазарев совершенно по-иному освещает вопросы. Понимаете... – и он увлечённо начал рассказывать. Глаза его

светились, и старость, казалось, покинула его, забыв прихватить с собой одежду-оболочку.

Я слушал и что-то понимал, а что-то нет.

– Скажите, что такое карма? – когда представилась возможность, спросил я.

– Карма? – бросил он взгляд в сторону киоска. Там молодые ребята с девчонками пили пиво и что-то возбуждённо обсуждали. Доносились отдельные реплики: «Я его суку...» «Правильно, а она б...»

– Существует много трактовок кармы, – вернулся он к разговору. – На Руси её называли: рок или судьба. Хотя рок – это неотвратимость событий. А судьба – предначертанная тебе жизнь.

– Получается: чему бывать – того не миновать.

– Ну почему же? – удивился он.

И я рассказал про гадалку, которая нагадала Пушкину смерть.

– Так что всё заранее расписано. Помимо нашей воли, – подвёл итог я, и мне показалось, что старик не слушал, а увлеченно наблюдал за парнем, опускающим бутылку в урну. Стало немного обидно.

– Мы сами расписываем себе жизнь, – оторвал он взгляд от урны.

– Как? – не понял я.

– По мыслям вашим дано будет вам, – ответил он цитатой из Библии.

– Кто же желает себе плохого? – усмехнулся я.

– Для себя нет, а вот для других... Мысли как круги на воде. Только мы их не видим. А они, отразившись, возвращаются назад. Чтобы изменить отражение, надо изменить мышление, – и он опять посмотрел в сторону урны.

Мне стало жаль старика. Да и не хотелось, чтобы он отвлекся от разговора. Поэтому я достал сто рублей и предложил:

– Возьмите.

– Зачем? – вскинул он брови.

– На книгу.

– Не надо!

– Я от чистого сердца.

– Вы меня обижаете, – поджал он губы.

– Извините, я не хотел, – впервые я столкнулся с отказом и почувствовал себя в глупом положении. Хотелось оказать старому человеку помощь, чтобы не мучился он с бутылками, и вот получил... Стало стыдно.

– Знаете, – наклонился он ко мне. И по тому, как начал говорить, я понял, что обиды нет, – пока я в состоянии двигаться, буду двигаться. Даже если для этого требуется собирать бутылки, буду собирать. Но чужих денег не возьму. Давно надо понять, что все наши поступки и действия напрямую влияют на наше здоровье и нашу судьбу. Поэтому каждый человек должен вершить свою карму сам. Ты посмотри на этих ребят, – кивнул он в сторону киоска.

– Понимаешь, – отхлебнув из бутылки пиво, исказила накрашенные губы одна из девиц, – я ей, суке, за это все патлы повыдираю.

– Правильно, – пустил кольцами дым парень. – Я таких вещей не прощаю.

Загудели и другие, мешая пиво, сигаретный дым и грубые слова.

– Никого не надо винить в собственном падении, кроме самого себя, – задумался старик. – Пытаться оказать помощь, а нужно ли?

– А как же благотворительность?

Казалось, он не слушает меня.

– Один врач обратил внимание на женщину, которая постоянно ползала на четвереньках. Он подошел и спросил:

«Что вы делаете?» Та удивленно взглянула на него и ответила: «Всё, что в моих силах».

– Надо было попытаться поставить её на ноги.

– А надо ли? Привычка ползать прочно сидит у неё в голове.

Поставь на ноги – упадёт и убьётся. Поэтому тщетна помощь тому, кто к ней не готов.

– Но как же: дай просящему?

– Откуда ты знаешь, на что будут направлены твои благие дары?

Я не нашёлся, что ответить.

– Не спеши делать подношения. Каждый должен сам творить свою карму, потому что «сегодня» – результат «вчера» и «сегодня» – причина «завтра», – сказал он и посмотрел в сторону урны, из которой виднелась пустая бутылка.

Мне не хотелось задерживать старика, и я демонстративно посмотрел на часы.

– Извините, мне пора, – встал я.

– Да и мне пора, – расправился старик.

Мы попрощались и разошлись.

Направляясь к остановке, я заметил ещё одну компанию с пивными банками в руках. Доносился набор грубых слов. Неожиданно их болтовня слилась в сплошной гул: «Иначе мы не можем». Проходя по переходу, увидел старушку с протянутой рукой. Её и раньше здесь примечал. Из её беззвучных уст вырвался оправдательный крик: «Иначе я не могу!» А вот и пьяный мужик прислонился к столбу и, обводя прохожих мутным взглядом, мычит: «Иначе я не могу...» Хотелось закричать: «А вы пытались встать?» Но сдержался и поспешил прочь...